

СПЕЦИФИКА ВОПЛОЩЕНИЯ УЛЫБКИ, СМЕХА, НАСМЕШКИ В ТВОРЧЕСТВЕ Б. КАНАПЬЯНОВА

А.Т. Бактыбаева

Ключевые слова: Б. Канапьянов; современная русскоязычная литература Казахстана; комическое; улыбка; смех, насмешка.

Keywords: B. Kanapyanov; modern Russian-language literature of Kazakhstan; comic; smile; laughter, mockery.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-08

Бахытжан Канапьянов — современный казахстанский поэт, писатель, переводчик, сценарист, кинорежиссёр. Его первые поэтические произведения были опубликованы еще в середине 70-х гг. XX в. на страницах республиканского журнала «Простор». Практически сразу после окончания Литературного института были изданы три сборника поэзии — «Ночная прохлада» (1977), «Отражения» (1979) и «Чувство мира» (1982). Многим из его произведений свойственен синтез элементов документальной прозы, с одной стороны, и тонкого юмора, выраженного посредством описания событий, персонажей, их взаимоотношений, поступков и отношения к окружающему миру — с другой. Кроме того, определенную роль в обрисовке национальных образов в творчестве Б. Канапьянова играют смех и улыбка. Актуальность нашей статьи определяется повышенным интересом исследователей к проблемам смеха, комического и необходимостью познакомить со смеховой стихией в поэзии и прозе Б. Канапьянова как одного из крупнейших представителей русскоязычной казахстанской литературы, который соединил в своем творчестве разные культурные традиции.

Современные исследователи отмечают, что смеховая стихия в литературных произведениях многообразна. Например, анализируя творчество Ф.М. Достоевского, филологи выделяют несколько типов смеха в его произведениях. Но главное, что сам смех может быть конкретным героем его романов и рассказов, хотя иногда и предстает в маске лицедея на страницах прочитанного [Караулов, 2001, с. 160].

К.М. Старчеус анализирует структурные и семантические конструкции в описании улыбки и смеха в творчестве А.П. Чехова [Старчеус, 2010]. О.В. Уварова и М.А. Федоров в исследовании «Способы актуализации улыбки в английской художественной литературе» описывают

способы воспроизводимости улыбки в художественных текстах английских писателей XIX–XX вв. Они классифицируют улыбку по способу образования: на лице, глазах, губах и подчеркивают, что улыбка используется как составной элемент таких средств выразительности, как эпитет, метафора, сравнение и конвергенция [Уварова, Федоров, 2017, с. 77].

Л.Г. Бабенко при анализе лексических средств обозначения эмоций пишет, что в художественном тексте всегда находятся рядом различные слова, выражающие эмоциональное состояние героев. Подобное «соседство» порождает богатую палитру эмотивных значений. А они, в свою очередь, описывают большое количество эмоциональных характеров, которые помогают писателю или поэту представить противоречивую картину чувств и эмоций своих персонажей [Бабенко, 1999, с. 250]. При этом авторское мировосприятие передается посредством описания внешности героев и их поступков. Слова с эмотивным значением, такие как смех, улыбка, стараются передать не только авторское понимание многоликости чувств персонажей, но и стремятся выразить его личностное осознание окружающего мира [Бабенко, 1999, с. 250–251]. Следовательно, смеховая стихия многообразна, в ней выделяются различные ее формы. Многие из них обозначаются разными словесными формулами и звукоподражаниями. В художественном тексте, наряду с использованием слов «смех», «смеяться», «хохот» и подобные можно обнаружить и другие слова, которые передают чувства комизма, пусть и не всегда с положительной оценкой. Так, например, можно увидеть добрый смех, злую насмешку, рефлексирующий смех и смех, который приносит удовольствие как от самого процесса, так и от того, что стало причиной его появления [Караулов, 2011, с. 352]. Опираясь на эту классификацию, в произведениях Б. Канапьянова мы выделяем следующие частные формы смеха: улыбка, насмешка, смех.

Улыбка как знак, приглашающий к знакомству, представлена в следующем отрывке:

*Рыбак ей хмуро улыбнется,
И девушка, томясь, вздохнет.
На солнцепеке дед очнется,
Пройдет без цели и — вернется¹⁶ (с. 77).*

Из процитированного фрагмента видно, что улыбка «обрисовывает» сам контекст сообщения и социальный статус коммуникантов. Серьезное выражение лица рыбака, по нашему мнению, не признак его особой мрачности. В народной традиции казахов не принято улыбаться

¹⁶ Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы издания: Канапьянов Б. Реальность и отражение. Алматы, 2015.

ся при первом знакомстве. Улыбка — это нечто сокровенное, предназначенное в первую очередь близкому и приятному человеку. Улыбка на лице у казахов, о чем свидетельствуют и фольклорные памятники, возникает только в минуты радости, отдыха, легкости души. Соответственно, в приведенном нами фрагменте улыбка вызвана несерьезным отношением того, кому она принадлежит. Такая улыбка передает легкомысленное отношение к девушке, заигрывание с ней и даже определенный намек на переход к близким отношениям.

Улыбка демонстрирует именно доброе отношение. Примечательно, что улыбку сопровождает авторский эпитет «хмуро», подчеркивающий безрадостное настроение рыбака. Одновременно он передает и психологическое состояние, и деталь поведения, и портретную характеристику — внешность героя. Подобный индивидуальный эпитет — оксюморонное сочетание. Алогичное сочетание лексем противоположных понятий хмурость / улыбка создает психологический эффект и тем самым обрисовывает как бы портрет рыбака, усиливая выразительность этого образа.

Хмурость / улыбка в структуре стихотворной строчки находится в отношении тождества и обнаруживает новое семантическое звучание, причем весьма неожиданное. Функция эпитета, кстати, схожа с приемом антитезы. Ю.М. Лотман по этому поводу отметил, что отношения сопоставления и противопоставления — это один из основных «генеральных принципов» организации структуры художественного текста, которые находятся в основе конструкции эпитета. Исследователь подчеркивает, что художественная конструкция формируется как протяженная в пространстве. Она предполагает систематический возврат к тексту, выполняет информационную функцию и тем самым проводит параллель с прежним текстом, смысловое значение которого раскрывается по-новому, определяя невидимый прежде подтекст. Подобный систематически повторяющийся «возврат» является универсальным структурным императивом любого поэтического произведения [Лотман, 1996, с. 7]. Принцип возвращения, безусловно, присутствует в поэзии Б. Канапьянова, где улыбка является не только намеком на продолжение знакомства, но и элементом портрета, как в следующем отрывке:

Нам небесные качели

Ниспослал с улыбкой Бог (с. 87).

Словарное значение «ниспослал» — «неожиданно подарил», и у Канапьянова это не случайно: именно так автор, по нашему мнению, подчеркивает временной оттенок данной эмоции, её «кратковременность». По мнению В.В. Колесова, *улыбка, радость* стоят в одном семантиче-

ском ряду и связаны с идеей «благодати» от Бога [Колесов, 1990]. Согласно взгляду ученого, для простого человека земная жизнь проста и объяснима. Однако совсем непостижима жизнь небесная. Мы можем предположить, что «улыбка Бога» — это явление, которое нельзя объяснить словами, оно понятно в контексте культурной памяти народа и полностью изменяет смысловое пространство стихотворения. Здесь очевидна перекличка с творчеством О. Сулейменова, автором книги «Улыбки Бога» о невидимых тюркизмах в русском языке. Следовательно, в разные периоды творчества Б. Канапьянов постоянно обращается к слову *улыбка*, периодически оттеняя его разными смыслами. Подобный подход к использованию улыбки определяется не эволюцией взглядов казахстанского поэта, а его личностным пониманием смеха и всего комического.

Формирование юмористического мирознания Б. Канапьянова обусловлено его жизненным опытом: природной наблюдательностью, романтическим складом души и характера. В одном из рассказов он пишет: «Придя в себя, мой наставник послушал стук моего сердца. Поняв, что сердце мое бьется, он радостно улыбнулся, и в тот же миг его радость сменилась гневом. Развязав руки, он выволок меня за ногу из-под копнителя. Волоча по земле, он дотащил меня до коробки передач. Я встал с виноватым лицом» (с. 67). В приведенном примере, радость — внутреннее чувство, которое передает читателю физическое ощущение удовольствия комбайнера от того, что его напарник жив. В первом случае «радостно улыбнулся» — синоним любви, возникающей внезапно и не зависящей от желания самого человека.

Во втором случае — радость сменяется гневом. Гнев — непосредственная реакция героя-комбайнера на несоблюдение правил поведения со стороны его «подопечного». Словами «радость сменилась гневом» автор постарался передать резкую, импульсивную реакцию и желание старшего комбайнера разрешить возникшую ситуацию, дать возможность читателю наглядно представить происходящее: у комбайнера в момент душевного смятения учащенный сердечный пульс, поднимается давление.

Причиной смеха, улыбки может быть предметный, вещный мир, человек. Сам человек может выступать объектом смеха, насмешки, осмеяния. При этом он может сам высмеивать себя:

Сборщики ушли ни с чем и обо всем доложили правителю.

— Они встретили вас с радостью и весельем? — спросил сборщиков дани правитель.

— Да, наш повелитель, с радостью и весельем! — ответили сборщики дани.

— Тогда, действительно, у них больше ничего нет, — изрёк повелитель. — Больше не трогайте их. Пусть живут и радуются жизни» (с. 149).

По мнению психологов, умение смеяться, а особенно над собой — это неотъемлемый признак настоящего человека, потому что он сам выступает одновременно в роли и объекта, и субъекта насмешки [Фрейд, 1997].

Насмешка / усмешка в поэзии и прозе Б. Канапьянова встречается наиболее часто, по сравнению с улыбкой, радостью, смехом. По мнению В.Я. Проппа, насмешка — особый вид смеха. Такому смеху свойственна скрытая насмешка. Причиной могут быть разные недостатки, как физического плана, так и морального. По мнению фольклориста, это один из самых распространенных типов смеха, который часто встречается не только на страницах художественных произведений, но и в самой жизни [Пропп, 1999, с. 150]. Однако насмешка — это не действие, а квалификация конкретного действия, которая характеризует и раскрывает адвербиальный признак коммуникативного поступка. Например, в киноповести «Последняя осень поэта» генерал усмешается на вопрос собеседника:

— Что побудило Вас, известного вельможу Петербурга, заступиться за поэта Акмуллу и вызволить его из тюрьмы?

— Его же творчество и побудило, — ответил, усмехаясь, генерал Джангиров. — Сильные мира сего всегда должны прислушиваться к мнению блаженных (с. 141).

Усмешка генерала передает ироничное отношение к тому, кто задает вопросы. Тонкая насмешка содержит иронию, которая может быть истолкована двояко. С одной стороны, слово «усмехаясь» подчеркивает желание вельможи выйти за пределы определенной игры [Уварова, Федоров, 2017]. С другой — маскирует его истинное отношение к человеку, который задает ему вопросы.

Насмешка как выражение недоверия по отношению к происходящему описана в миниатюре «Тополь и урюк»:

Урюк расцвел раньше, чем распустились листья. Пирамидальный тополь с высоты своего роста усмехнулся:

— Ударят заморозки, и людям не видать твоих сладких плодов.

Урюк урюмо молчал, погруженный в розовую пелену цветов. Через несколько дней ударили заморозки. И однажды утром урюк ответил тополю:

— Возможно, ты и прав, люди не познают вкуса моих плодов. Но они почувствовали весну раньше обычного. Цветы мои живут в глазах людей, ибо устали они зябнуть в холоде долгой зимы. Так говорил урюк.

Но тополь не слушал его. Ему было некогда. Он уже пускал белый пух на мостовые города (с. 4).

Примечательно, что миниатюры Б. Канапьянова имеют и бесфабульную, и фабульную структуру. Их родовая природа преимущественно притчевая: сюжетно-событийное ядро существенно в них, но доминирующую роль играет тот нравственный, жизненный урок, проистекающий из сюжетного развертывания, который извлекает читатель. Усмешка / насмешка в этой миниатюре — разновидность иронии, обидная шутка, которая раздражает и ставит в неловкое положение того, кому она адресована, — урюку. В данном случае, тополь использует ее для комического «понижения» значимости собеседника. Небольшой деталью насмешка тополя акцентирует внимание, во-первых, на необычном, случайном: «Урюк расцвел раньше, чем распустились листья...». И вдруг заморозки, которые причиняют зло не только его листьям, стволу, корню, но и угрожают дальнейшему существованию.

Тополь же, которого задевает раннее цветение урюка, получает удовольствие от того, что насмешкой обидел его. Во-вторых, именно насмешка функционально оказывается двунаправленной: нацеленная на одного персонажа, она в действительности выдает истинную сущность другого.

Использование насмешки — это искоренение зависти или страха через высвобождение отрицательных эмоций. Подобное поведение тополя — разновидность агрессии. В процитированном фрагменте автор посредством насмешки осуждает зависть, цинизм и хитрость насмешника-тополя. Здесь, на наш взгляд, Канапьянов выходит за рамки сюжетной миниатюры и продолжает одну из важных тем как фольклора, так и классической литературы — тему смысла жизни, подлинного значения бытия. Мудрость урюка открывается читателям внезапно и без видимой причины. Ответ на вопрос о смысле жизни остается у Канапьянова открытым.

Поиск его решения предоставляется именно читателю. В этом, по нашему мнению, заключается философская позиция писателя, не просто иронически отстаивающего многоликость истины, но демонстрирующего, что мудрость как высшее проявление гуманности достигается не через самоутверждение за счет другого и декларирование собственной значимости, но в ничем не подавляемой субъективности, внутренней свободе.

Усмешка, по мнению исследователей, — это один из подтипов улыбки, подразумевает регулируемость выражаемых эмоций и чувств, некую осмысленность, она несет в себе определенную часть интеллектуальной оценки [Пюрбеев, 2015, с. 24]. Ее цель, как мы уже указывали ранее, — причинить психологический вред объекту осмеяния, обидеть, оскорбить, унижить. Как, например, в следующем отрывке из повести «Мушель»:

— Я так не думаю, — усмехнулся Мукаш. — Наверно, воевал. И звание у тебя, что ни есть, фронтовое — старишина. В тылу, наверно, тоже было с кем воевать (с. 373).

Значение усмешки носит, как правило, отрицательный характер: *На его? — горько усмехнулась Хадиша, показав глазами на портрет Сталина. В небесную канцелярию? Его же нет* (с. 400).

Основное содержание подобной усмешки — передать обиду, разочарование, досаду. Это позволяет автору усилить психологический эффект. Не случайно он употребляет эпитет «горькая».

Безусловно, считать, что усмешка используется исключительно для передачи отрицательных чувств и эмоций, неправомерно. Как показывает наш анализ произведений Б. Канапьянова, улыбка используется поэтом для описания различных эмоциональных состояний, но особенно для передачи симпатии, радости и веселья. Следовательно, такое употребление при раскрытии положительного состояния «души» позволяет нам утверждать, что и усмешка по своей природе, как вид улыбки, является все же положительным знаком в эмоциях человека. Она стремится передать желание говорящего повеселиться:

— Это тебе он поклонился — как восточной женщине, — заметил Юрий Поляков и, усмехнувшись, добавил: — Старый ловелас... (с. 370). Или:

Сидя за низеньким круглым столиком, отец, усмехаясь в усы, поведал жене и дочери о “неутешном горе” своего наследника, который с насупленным видом поедал баурсак за баурсаком, макая их то в чашку с растопленным маслом, то в сметану (с. 361).

В процитированных фрагментах автор описывает насмешку как речевое действие или же мимическую реакцию, при этом насмешка выражает иронию по отношению к собеседнику.

Таким образом, в ходе нашего анализа мы выяснили, что разнообразная и достаточно широкая палитра канапьяновского смеха присуща не только его поэзии, но и прозе. Герои его стихотворений, рассказов, воспоминаний смеются, издеваются, насмеваются не только друг над другом, но и над собой. В его произведениях улыбка, смех, насмешка выполняют характерологическую, оценочную функции. Формы и «мера» смеха определяются как объективными свойствами предмета, так и мировоззренческими принципами героев, их отношением к миру, к окружающей их действительности. Безусловно, весьма ограниченный объем статьи не позволил нам продемонстрировать, как презентуются формы комического в других произведениях Б. Канапьянова, что и является перспективой нашего исследования.

Библиографический список

Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Екатеринбург, 1989.

Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 3: Бытие и быт. СПб., 1990.

Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996.

Пропп В.Я. Проблема комизма и смеха: Ритуальный смех в фольклоре. М., 1999.

Пюрбеев Г.Ц. «Смех» в калмыцком художественном тексте (по роману Эрендзенова «Береги огонь») // Исследования по языкам и культуре монгольских народов. Элиста, 2015.

Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / гл. ред. Н. Караулов ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. М., 2001.

Старчеус К.М. Улыбка и смех в художественной литературе: семантические и грамматические особенности языковых конструкций (на материале прозы А.П. Чехова) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 1.

Уварова О.В., Федоров М.А. Способы актуализации улыбки в английской художественной литературе // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6.

Источник

Канапьянов Б. Реальность и отражение. Алматы, 2015.

References

Babenko L.G. *Leksicheskiye sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke*. [Lexical means of indicating emotions in the Russian language]. Yekaterinburg, 1989.

Kolesov V.V. *Drevnyaya Rus': naslediyе v slove*. [Ancient Rus: Heritage in the Word]. Book 3: Being and being. St. Petersburg, 1990.

Lotman Yu.M. *O poetakh i poezii*. [About poets and poetry]. St. Petersburg, 1996.

Propp V.Ya. *Problema komizma i smekha: Ritual'nyy smekh v fol'klore*. [The problem of comedy and laughter: Ritual laughter in folklore]. Moscow, 1999.

Pyrubeev G.C. «Smekh» v kalmytskom khudozhestvennom teste (po romanu Erendzhenova «Beregi ogon'»). [“Laughter” in the Kalmyk Literary text (based on Erendzhenov’s novel “Take Care of the Fire”)]. In: *Issledovaniya po yazykam i kul'ture mongol'skikh narodov*. [Studies on the languages and culture of the Mongolian peoples]. Elista, 2015.

Slovar' yazyka Dostoyevskogo. Leksicheskiy stroy idiolekta. [A dictionary of the language of Dostoevsky. Lexical structure of the idiolect]. Moscow, 2001.

Starcheus K.M. *Ulybka i smekh v khudozhestvennoy literature: semanticheskiye i grammaticheskiye osobennosti yazykovykh konstruksiy (na materiale prozy A.P. Chekhova).* [Smile and laughter in fiction: semantic and grammatical features of language constructions (based on the material of prose by A. P. Chekhov)]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region.* [News of higher educational institutions. North Caucasian region]. 2010. No. 1.

Uvarova O.V., Fedorov M.A. *Sposoby aktualizatsii ulybki v angliyskoy khudozhestvennoy literature.* [Ways of actualizing smiles in English fiction]. In: *Mir nauki, kultury, obrazovaniya.* [World of Science, Culture, Education]. 2017. No. 6.

A source

Kanapyanov B. *Real'nost' i otrazheniye.* [Reality and reflection]. Almaty, 2015